

УДК 13

В. И. Пятак

ОБРАЗ ИСТОРИИ В ИСТОРИЧЕСКОМ СОЗНАНИИ СОВРЕМЕННОСТИ

В информационном обществе, в условиях ускорения социального времени для исторического сознания нет опоры в обособившемся и ускользающем настоящем. Не переваренное настоящее превращается в не переваренное прошлое, которым заполняется будущее. Опору массовое историческое сознание может найти и находит в мифологизированном прошлом. Но подлинная опора — в изначальной, внутренней истории, в которой есть со-бытие.

Ключевые слова: история, историография, со-бытие, прошлое, настоящее, память.

Pyatak Vladimir I. IMAGE OF HISTORY IN CONEMPORARY HISTORICAL CONSCIOUSNESS (Far Eastern State Academy for Humanities and Social Studies).

In the information society, in the acceleration of social time there is no support for the historical consciousness in the isolated and fleeting present. Undigested present turns to undigested past, which is filled future. Mass historical consciousness can be found and finds support in the mythologized past. But the real support is in original, internal history, which is co-existence.

Keywords: History, historiography, co-existence, past, present, remembrance.

Назовем сначала основные и наиболее распространенные значения термина «история»:

1. История — реальный временной процесс изменений, в бесконечных своих связях и отношениях до конца непостижимый.
2. История — это прошлое («это уже история...»).
3. Само прошлое может быть «живым», еще воздействующим на настоящее; «мертвым», то есть потерявшим актуальность, связь с современностью, но в обоих случаях — это воображаемое прошлое.
4. История — «наблюдение», изучение и описание прошлого.
5. История — понимание прошлого.

Но поскольку сознание интенционально, то история как реальный процесс, наука, изучающая прошлые состояния этого процесса, прошлое в его модусах — все это есть, по сути, наши представления. О мире «как таком», вне поля сознания, говорить не имеет смысла, поскольку объект реально существует как совокупность интенциональных предметов — нозм.

Собственно, можно выделить два принципиальных значения термина «история», фиксирующих два образа истории как реальности. Одно идет от античности, другое складывается на рубеже 18-19 вв., когда разрушается «риторически упорядоченный мир культуры».¹

«История — это правдивый рассказ о прошлом», — говорит Цицерон. И сказано, в общем-то, немало. Во-первых, история — это рассказ, и как рассказ она должна, в соответствии с требованиями риторики, приносить пользу и доставлять наслаждение; во-вторых, рассказ о прошлом, то есть о том, чего уже нет и, в-третьих, наивно предполагается, что об этом прошлом можно рассказать правдиво. Таким образом, для Цицерона, как и для всей античности, история — не реальный процесс, а рассказ о прошлом — и все. Это «прошлое» Цицерона не должно вводить нас в заблуждение, поскольку глубина исторической памяти античности не такая уж и большая. О чем рассказывает, например, Фукидид? О том, что сам видел, в чем участвовал, то есть о современности. И так обстоит дело со всеми античными историками. Пишут они о делах, достойных памяти, и лучше всего, если они сами были тому свидетелями. Им не надо вспоминать — они помнят. Прошлое для этого сознания еще не отчуждено и является действенной реальностью, то есть входит в состав современности. Представления об истории в коллективной (социальной) памяти и памяти историка практически совпадают.

Речь идет в данном случае о традиционном обществе, которое представляет собой специфический модус исторического существования. Традиция «превращает общество в подлинно историческое по его внутренней сущности образования, то есть оно уже не только предмет истории... в форме общественной традиции прошедшее становится основанием для определения настоящего»². В отличие от современного общества, в нем есть связь времен, создающая континуум жизни, потому что опыт предков сохраняет свою актуальность.

В ученой культуре Европы на рубеже XVIII—XIX вв. формируется новое представление об истории, связанное с понятием «организма», «органического». Под органическим мысленно представляют охотнее всего растение. Оно является аналогом этого понятия. Представление об «органиче-

¹ Михайлов А.В. Проблемы исторической поэтики в истории немецкой культуры: очерки по истории филологической науки. — М.: Наука, 1989. — С. 87.

² Зиммель Г. Избранное. Т. 1. Философия культуры. — М.: Юрист, 1996. — С. 535.

ском» влекло за собой и представление о развитии и наоборот.¹ Вся в целом история понята как живой организм, что позволяет понять ее как имманентный процесс, обусловленный своими внутренними закономерностями. Но из самого исторического процесса такой взгляд никак не следует, он привнесен со стороны, скорее всего, из натурфилософии, которая была убеждена, что в природе нет ничего мертвого, что весь мир есть живой организм. Таким образом, историк с самого начала имел дело с предварительно обработанным материалом, уже на стадии наблюдения и классификации ему задан угол зрения на действительность: теперь он воспринимает и осмысливает ее в понятиях развития и органики. То есть беспредпосылочного знания даже на этом — начальном — этапе мы не находим. «...Образ истории как развития и (растительного) роста был, по всей видимости, единственной априорной генеральной идеей, которая предпосылалась развитию... и которая вместе с тем выражала отрицание любой иной априорности в рассмотрении истории»².

Усвоив идею развития, историческое мышление формирует образ истории как необратимого процесса поступательного движения вперед. Куда? «К счастью всего человечества», — говорит Гердер. Но — опять-таки — из самого процесса такой взгляд не следует; можно думать и иначе (как царь Соломон, например: «Нет ничего нового под луной»; или Фукидид: «События будут повторяться по свойству человеческой природы»). Но, согласно «теореме Томаса», какой мир человек сконструировал, в таком мире он и живет, но ниоткуда не следует, что он будет жить в нем вечно. То есть сама история как форма сознания и способ мысли является историческим продуктом. Было время, когда человек *такой* истории не знал. И вообще не знал истории. История, в новоевропейском понимании, начинается там, где останавливается традиция.

Что нужно, чтобы прошлое было не только забыто (это происходит постоянно), но и потеряло свою актуальность? Необходимо, чтобы настоящее быстро обновлялось. Благодаря этому гасится действенная сила традиции, прошлого, которое из «еще воздействующего» переходит в разряд «уже не наличного». Но если все быстро обновляется, то это значит, что все так же быстро устаревает³.

Таким образом, чем быстрее все меняется, тем стремительнее сокращается настоящее, оно все менее и менее длится и в пределе свертывается в точку, за спиной же нарастает объем прошлого, чужого и не нужного. Историческое сознание теряет глубину памяти, чувство «своего» в про-

¹ См.: Михайлов А.В. Проблемы исторической поэтики в истории немецкой культуры... — С. 97.

² Михайлов А.В. Проблемы исторической поэтики в истории немецкой культуры... — С. 88.

³ Люббе Г. В ногу со временем. Историческая идентичность // Вопросы философии. — 1994. — №4. — С. 94-113.

шлом, а вместе с ним и чувство нравственной солидарности с прошлыми поколениями. Эта неисторичность современности является результатом ускорения исторического процесса. И тут заключен некий парадокс: с одной стороны, техногенной цивилизации присуще стремление к обновлению жизни, ускорению социальной динамики. Но с другой — рост инноватики приводит к тому, что настоящее схлопывается, объем же прошлого растет, но это уже не свое, не переваренное, не понятое прошлое. Отсюда неизбежны утрата культурной идентичности, разрыв преемственной связи между поколениями, вообще антропологический кризис, имеющий многообразные импликации. Но основное в этом кризисе состоит, видимо, в том, что нарастает отчуждение истории и культуры: появляется чужая и безжизненная история (прошлое). В этих условиях связь настоящего с его истоками, с прошлым, не столь уже очевидна, как в прежние времена.

Впрочем, вполне возможно некое подобие существования культуры и после ее смерти, но это, если вспомнить Шпенглера, неисторическое существование, так как в нем нет души, нет жизни, хотя есть кипучая и бессмысленная деятельность. В этих условиях смерти культуры и потери идентичности появляется возможность для имитации мысли и жизни. А реально за спиной имеем «чужую» историю. То есть «неисторическое» — это несобственное существование, что особенно характерно для России, где историческая реальность осмысливается в понятиях, выработанных западной традицией (правовое государство, гражданское общество, либерализм, модернизация и проч.).

Человек не живет уже в большом и обжитом мире истории. Модусы темпоральности угасают в настоящем, а вся полнота содержания исторического мира проходит мимо. Отчужденный мир прошлого можно, конечно, изучать, но понимание его и контакт с ним не гарантированы и требуют дополнительных усилий. Этот мир отчужденного прошлого можно правильно описать и при этом ничего в нем не понять.

Здесь-то и начинается разговор о памяти, которая должна спасти ситуацию. Но на самом деле память сопровождает процесс отчуждения истории от человека и процесс забвения. И потом, одно дело вспоминать то, что забыто, и совсем другое — помнить, не забывая. Да и вспоминать можно по-разному: одно дело — память историка и другое дело — память массового сознания (коллективная память). Но в любом случае конструируется тот или иной образ истории.

Историография есть истина факта и происшествия. Они излагаются в каузальной связи и временной последовательности. Собственно же история

— есть бытие как событие и посвящение¹, а точнее — в самом событии содержится значение посвященности. Событие — это некий квант, «квант бытийственности»², в нем выражается истина человеческого. Событие — это прикосновение к бытию (со-бытие), к вечному настоящему, которое есть вечно становящееся состояние человека как человека. Событие — это не то, что подлежит разъяснению. Это внутренний опыт тайны... Поэтому событие есть истина бытия. Подлинная, внутренняя, изначальная история событийна.

Можно сказать иначе: событие — это случай, который вводит нас в состояние понимания бытия. Это состоявшееся понимание и есть событие, точка духовного роста человека, точка кристаллизации духовного опыта. Таким образом, история в собственно философском смысле есть не истина факта, а истина состояния человека; это «внутренняя конструкция бытия»³, а внешняя история (историография) — это история социальная, политическая, культурная и так далее. Под этой поверхностью находится, как ее условие, внутренняя, изначальная история, которая является перевоплощением одного и того же смысла, и которая фундирует случай и происшествия из области сущего. Историю создает сбывшееся раз и навсегда, а не приключающееся с нами время от времени. Последнее принадлежит историографии, которая занимается изучением, классификацией и «правдивым» описанием прошлого.

В инновационном обществе в условиях ускорения времени для исторического сознания нет опоры в обособившемся и ускользающем настоящем. Настоящее в ускоряющемся ритме устаревает и переходит в прошлое. Непереваренное настоящее превращается в переваренное прошлое. Опору для себя массовое историческое сознание может найти и находит в произвольно сконструированном, мифологизированном прошлом (это оно делает всегда). Но подлинная опора — в изначальной внутренней истории, в которой есть со-бытие.

Можно думать, что ускорение социальной динамики приводит к тому, что опыт «отцов» теряет актуальность для настоящего. Это действительно так, если иметь в виду опыт повседневной жизни. Сохраняет же свою актуальность в условиях инноватики, то есть входит в состав вечного настоящего, опыт «святых отцов».

В заключение, после всего сказанного, вернемся к четвертому и пятому значению термина «история». Понимание прошлого, контакт с ним воз-

¹ См.: Хайдеггер М. Очерки философии. О событии // Вопросы философии. — 2005. — №11. — С. 164-166. — С.166.

² Бросова Н.З. «Лесные тропы» бытия. Феноменология истории Мартина Хайдеггера // Вопросы философии. — 2006. — №11. — С. 155-163. — С.161.

³ Мамардашвили М.К. Лекции по античной философии. — М.: Аграф, 1997. — 320 с. — С.100.

можно на уровне подлинной внутренней истории, а не историографии, так как необходимо общее смысловое поле. Если оно есть — тогда имеем дело с пониманием истории как непрерывного процесса. Но это не вся истина, поскольку контакт носит творческий характер, что само по себе создает уже прерывность процесса. К этому можно добавить, что прерывность и непрерывность — характеристики того образа истории, который сформирован эпохой модерна. Для традиционного сознания не существует ни того ни другого, поскольку нет понятия развития. События просто располагаются одно рядом с другим, время не имеет принципиального значения, оставаясь внешним членением материала.

Литература

1. Аверинцев С.С. Послесловие // Христианство: Энциклопедический словарь: В 3 т.: т. 3. М.: Большая Российская энциклопедия, 1995. С. 464—488.
2. Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы. М.: Наука, 1977. 320с.
3. Бросова Н.З. «Лесные тропы» бытия. Феноменология истории Мартина Хайдеггера // Вопросы философии, 2006, №11. С. 155—163.
4. Зиммель Г. Избранное. Т. 1. Философия культуры. М.: Юрист, 1996. 671 с.
5. Лосев А.Ф. Античная философия истории. М.: Наука, 1977. 206 с.
6. Люббе Г. В ногу со временем. Историческая идентичность // Вопросы философии, 1994, №4. С. 94—113.
7. Мамардашвили М.К. Лекции по античной философии. М.: Аграф, 1997. 320 с.
8. Рикёр П. Память, история, забвение. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 2004. 728 с.
9. Хайдеггер М. Очерки философии. О событии // Вопросы философии, 2005, №11. С. 164—166.
10. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. 1 Гештальт и действительность. М.: Мысль, 1993. 663 с.